

ЭВОЛЮЦИЯ И КОНТИНУИТЕТ АНГЛИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ФРИМЕНА

Статья посвящена отражению процессов эволюции английской государственности и законодательства в работах Э. Фримена (1823–1892). Автор подчёркивает идею непрерывного континуитета английских политических традиций на протяжении столетий, начиная с англосаксонской эпохи и заканчивая Британской империей.

Ключевые слова: *Фримен, конституция, парламент, законы.*

Имя и труды Эдварда Огастеса Фримена (1823–1892), профессора истории Оксфордского университета (с 1884 г.), занимают одно из центральных мест не только в британской, но и в европейской историографии, принадлежа к той классической эпохе, когда массово открывались и публиковались материалы архивов, бесценные исторические памятники, а сама историческая наука переживала расцвет, ещё не будучи отягощённой сложными политизированно-философскими рефлексиями XX в. Триумфальное шествие промышленной революции создавало в европейском обществе атмосферу непоколебимой веры в силу просвещения и технический прогресс. Эта атмосфера благоприятствовала развитию академической науки, гуманитарные направления которой вдохновлялись националистической идеологией, сопровождавшей развитие крупных европейских наций, и пользовались государственной поддержкой. В этом контексте, творческое наследие Фримена является блестящим образцом имперской историографии XIX века, олицетворяя присущие ей фундаментальность и всесторонний охват исследуемой тематики. В аналогичном духе писали в то время такие известные историки, как Ранке в Германии, Соловьёв в России и другие.

Эдвард Фримен родился 2 августа 1823 г. в семье обедневших землевладельцев в окрестностях Бирмингема. Родителей он потерял в возрасте года с небольшим. Воспитание детей стало делом бабушки, в чьём доме они выросли. Мальчик получил первичное образование в частных школах, а затем продолжил обучение в Тринити-Колледже в Оксфорде. В 1847 г. он женился на дочери своего бывшего преподавателя, а в 1860 г. приобрёл частную усадьбу в Сомерсете, где и осел с семьёй. Фримен имел степень доктора права в Оксфордском и Кембриджском университетах, а в 1884 г. стал профессором современной истории в Оксфорде. В последние годы жизни он болел и умер во время семейного путешествия в Испанию в 1892 г.¹

---

¹ Barlow 2004; Stephenson 2007. P. 120-121.

Следует отметить, что Фримен, помимо учёной карьеры, интересовался политикой, был сторонником известного британского либерального политика и государственного деятеля У. Гладстона, и даже пытался избираться в парламент, хотя и без особого успеха. Политическая карьера Фримена в целом ограничилась работой в органах местного самоуправления в графстве, а также в королевской комиссии по церковным делам в 1881 г. Фримен вполне в духе либеральных интеллектуалов того времени сочувствовал национально-освободительному движению народов Юго-Восточной Европы против Османской империи, за что имел награды от короля Греции и князя Черногории².

Российскому читателю более всего известен главный труд Фримена, многотомное капитальное исследование “A History of the Norman conquest of England, its causes and its results” (1867–1879), посвящённое переломному моменту британской истории – нормандскому завоеванию, повернувшему историю Англии на новый путь, в конечном счёте обусловивший своеобразие дальнейшего развития английской государственности и культуры. Однако перу Фримена принадлежит немало других работ, написанных на протяжении его научной карьеры, причем многие из них касаются отнюдь не британской истории, а охватывают широкий спектр исторических сюжетов, начиная с Античности и истории архитектуры и заканчивая историей Италии, Германии, Византии, исторической географией и вопросами эволюции политико-правовых институтов в Европе. Перечень его трудов внушителен (239 работ)³ и отличается поистине энциклопедическим характером. В методологическом смысле, Фримен являлся характерным представителем своего времени, с одной стороны, делая упор на фактографию и изучение политической истории, а с другой, будучи приверженцем и популяризатором сравнительно-исторического метода.

Творчество любого историка так или иначе носит на себе отпечаток политических концепций его времени, и Фримен в этом плане не был исключением. Более того, ему принадлежит афоризм: «История – это политика в прошлом, а политика – история в настоящем»⁴. Будучи сторонником либералов, он обращался в своих воззрениях к германистским, своего рода «почвенническим» позициям, отстаивая приоритет исконно англосаксонских традиций и институтов над привнесёнными извне феодально-европейскими, которые, в свою очередь, воспевались историками консервативной, «торийской» школы в качестве цивилизующих начал, обусловивших развитие средневековой Европы. Подобное противопоставление отчасти проистекало из актуальных в XIX в. дискуссий между «романистами» и «германистами», в свою очередь

---

² Stephenson. 2007. P. 128-130.

³ GB 133 EAF – Papers of Edward Augustus Freeman.

⁴ Adams. 1883. P. 12.

порождённых процессами становления националистической идеологии в разных странах ещё со времён Французской революции и наполеоновских войн, в ходе которых гражданский национализм пришёл на смену монархическому подданству и конфессионализму как критериям этнической идентичности. Таким образом, полемика в среде историков XIX в. о «корнях» и «истоках» тех или иных народов и институтов являлась результатом процессов нового этапа складывания национально-государственного самосознания и национальных государств современного типа.

Большой интерес представляет книга Фримена «Развитие английского конституционного устройства с древнейших времён» (“The growth of the English constitution from the earliest times”), впервые изданная в 1872 г. по материалам лекций, прочитанных им в британских университетах Лидса и Брэдфорда. Это наложило отпечаток на стиль повествования, преисполненный пафоса и в известном смысле риторический. В книге отразились идеи Фримена о непрерывном континууме демократических начал общественного устройства, восходящих к древнегерманской эпохе и плавно эволюционировавших в современную политическую систему английской монархии. Поэтому тот факт, что книга начинается с описания красот Швейцарии, не кажется странным; автор с самого начала обращается к традициям швейцарского кантонального самоуправления, экстраполируя их на общегерманское историческое наследие. Сравнивая древние устои «народоправства» с демократическим порядком религиозных общин, Фримен придает им в своём роде «Богом установленный» характер⁵. Он также находит очевидное сходство между швейцарским народным самоуправлением и порядками греческих полисов (р. 4-5). Те же самые традиции, по его мнению, лежали в основе общественного устройства древних германцев в целом, в т.ч. англосаксов во времена их обитания на континенте (р. 8). Характерная особенность самоуправления такого типа – то, что оно не было институтом общегосударственного (ввиду отсутствия в те времена государств) или племенного устройства, а являлось, по существу, региональным, объединяя общины свободных людей, населявшие ту или иную историческую область (р. 9). Таким образом, ядром политической организации, по мнению Фримена, были именно общины (*commune*, *Gemeinde*), аналогичные гражданским общинам античных полисов (р. 10). С другой стороны, он отмечает, что не следует отождествлять демократию с абсолютным равноправием всех членов социума, поскольку и в полисах, и в древнегерманском обществе она была уделом свободных слоёв населения, нормально уживаясь с социальным неравенством, наличием рабов и племенной аристократии. К трёхчастному делению древнего общества на знать,

---

⁵ *Freeman*. 1872. P. 2-3. Далее страницы этой книги указываются в скобках.

свободных и рабов, таким образом, прямо возводится современная Фримену модель парламентарной монархии, в которой представлены корона, Палата лордов и Палата общин. В свою очередь, это деление (как и традиции общинного самоуправления) восходит к «общеарийскому» наследию, которое видится автору практически тождественным у древних греков, римлян и германцев, отражаясь в языческих верованиях индоевропейских народов, в частности, в виде пантеона богов, окружающего верховное божество и разделяющего с ним власть на коллегияльной основе, как в народном собрании (р. 11-16).

Фримен подчёркивает, что, если в самой Германии древние демократические традиции постепенно утасли под давлением возвышающейся власти князей, то англосаксы в ходе переселения и расселения в Британии сумели сохранить и поддержать непрерывность континуитета этих традиций, придав им поступательное движение (р. 18). Это и обусловило своеобразие английского политического устройства, его отличие от континентальных государств, а следовательно – его преимущества. «Ни на миг не прерывалась связь между прошлым и настоящим... Каждый шаг в нашем развитии был естественным следствием предыдущего; каждое изменение в наших законах и устройстве было не привнесением чего-то нового, а развитием и улучшением старого. В какие-то времена наш прогресс шёл быстрее, в какие-то – медленнее, порой, казалось, остановился или даже повернул вспять, но никогда не прерывался с того самого дня, когда германские завоеватели впервые начали превращать Британию в Англию» (р. 19). Впрочем, подобные патетические рассуждения о непогрешимой мудрости предков и исключительности политических традиций своей страны характерны для историографии XIX в., тесно связанной с националистическими настроениями, переживавшими в то время свой расцвет в Европе и Америке.

Характерно, что истоки современной английской нации Фримен видит непосредственно в англосаксах, а также в скандинавах, составлявших вторую большую волну германских миграций на Британские острова, при этом чётко отделяя англичан от кельтов, населявших эти острова до прихода германцев. По мнению Фримена, англосаксы перенесли свои древние традиции политического и правового устройства с континентальной прародины практически в готовом виде, и далее им оставалось лишь развивать их в более современные институты, тогда как участью покорённого кельтского населения стало рабство, и никакого значения его прежние традиции уже не имели (р. 19-23).

Размышляя о социальной стратификации и природе власти в англосаксонском обществе, Фримен приходит к выводу о почти что «демократическом» характере королевской власти – в том смысле, что в ранних государствах монарх не был сакрализированным и неприкосновенным авторитетом, а «избирался народом и мог быть смещён наро-

дом); сакральный характер королевской власти, в языческое время выражавшийся в возведении родословной королей к богам, а в христианское – в освящении должности монарха особыми религиозными церемониями, не смущает Фримена; напротив, он легко обходит это противоречие, утверждая, что избрание короля народом – это по сути выражение божьей воли, вполне в духе известного изречения «глас народа – глас божий» (р. 29). Для обоснования этой мысли Фримен прибегает к лингвистическим изысканиям, возводя древнеанглийские наименования понятия «король» (*cyning*, *theoden*, *drihten*) к общегерманским словам «род» (*cyng*), «народ» (*theod*, *thiuda*), «семья» (*driht*), и таким образом подчёркивая, что король – это не стоящая над народом персона, а порождение самого народа. Вместе с тем, вполне современным для наших дней выглядит утверждение о том, что королевская власть и государственность сформировались у англосаксов в процессе завоевания и колонизации Британии, как и у других участников Великого переселения народов, а до этого пребывали на уровне племенных княжений во главе с родовой знатью (р. 32-34). Однако, чем больше прирастали контролируемые завоевателями территории, тем больше, по мнению Фримена, король отрывался от массы рядовых соплеменников, и королевская власть мало-помалу теряла свой изначальный «демократический» характер, обрастая особыми формальностями, ритуалами и сакральным статусом. В свою очередь, усложнение управления увеличившейся территорией вызвало необходимость в создании другого «демократического» органа – королевского совета, *уитенагемота*⁶ у англосаксов, в котором Фримен видит истоки английского парламента более поздних времён. Успешные попытки смещения короля с престола *уитенагемотом* в англосаксонскую эпоху он прямо отождествляет с процедурой импичмента в политической практике Нового времени (р. 37-40). Выборы короля *уитенагемотом* в раннее Средневековье дополнялись второй ступенью выборов в виде помазания его на престол церковью, также в известном смысле представлявшей народ (р. 140).

Сравнивая древнегерманские политические механизмы с римскими, Фримен акцентирует внимание на том, что римские граждане были ориентированы на преданность государству как безличному институту, а германцы – лично вождю, таким образом, подчёркивая важность личных связей в догосударственном социуме. У римлян аналогичный механизм существовал в виде отношений патрона и клиента в ранний период, но с разрастанием государства и превращением его в империю ушёл в прошлое, тогда как у германцев, переживавших более позднее историческое развитие, был как раз в полном расцвете во времена Ве-

---

⁶ Уитенагемот (досл. «Совет Мудрых», «Собрание Мудрых») - совещательный орган при англосаксонских королях, состоявший из церковных прелатов, представителей аристократии и военно-служилой знати.

ликого переселения народов. Подобная система личных связей на основе преданности и службы обусловила, согласно Фримену, дальнейшее своеобразие европейской средневековой цивилизации, распространяясь не только на военно-административную элиту общества, но и на прочие слои населения – например, в виде отношений мастера и ученика в среде бюргерства. Таким образом, узы личной преданности и покровительства, когда они дополнились земельными пожалованиями, стали основой того, что у современных историков обычно именуется «феодализмом», определив общеевропейскую тенденцию к постепенному «подавлению свободы» простолюдинов (р. 45-48, 51).

Вместе с тем, Фримен отмечает, что специфика развития английского общества в рамках феодальных тенденций обуславливалась непрерывной традицией существования коллективных органов, выражавших «волю народа», к которым он относит как англосаксонский уитенагемот, так и королевский совет нормандской эпохи, и далее парламент. Разница имела место лишь на низовом уровне, где в англосаксонскую эпоху существовала повсеместная практика местных народных собраний, помимо прочего, избиравших элдормена (графа) или епископа. Фримен с ностальгическим чувством говорит о «варварской свободе предков» и подчёркивает непреходящую роль этих демократических начал в трансляции ценностей свободы в реалии Британской империи, придавая этому процессу глобальное значение (р. 52-53).

Признавая, что англосаксонский уитенагемот состоял в основном из знати, Фримен приписывает ему демократический характер на том основании, что члены этого органа выражали общенародную волю в рамках представительного принципа, а кроме того, у рядового свободного человека никто никогда не отнимал права иметь голос на такого рода собраниях. Уитенагемот видится Фримену прямым предком Палаты лордов в британском парламенте. В аналогичном ключе он характеризует и войско, от позиции которого нередко зависело утверждение короля на престоле (р. 58-61). Эти идеи выглядят довольно искусственными, поскольку уже в VIII–IX вв. англосаксонское войско утратило характер общенародного ополчения свободных людей и постепенно превращалось в профессиональное, состоявшее из военной знати – тэнов, которые, хотя и были зачастую близки по укладу жизни к богатым крестьянам, но обладали иным социальным статусом. Что же касается уитенагемота, то его преимущественно аристократический состав вряд ли можно подвергнуть сомнению – этот вопрос относительно неплохо изучен в современной историографии⁷.

Таким образом, у Фримена вырисовывается непротиворечивая и вместе с тем политически ангажированная картина развития государ-

---

⁷ Глебов. 1998. С. 171-173.

ствообразующих институтов англосаксонского общества, к которой фактически напрямую возводятся основы политического устройства Великобритании XIX века. Эта картина является отражением древнейших порядков, характерных для всех индоевропейских народов (например, древних греков и римлян), отличие англосаксов (и далее англичан) от которых состоит разве что в более выгодной роли своего рода хранителей континуитета традиций, прерванного в остальной Европе различными социальными и политическими пертурбациями Средневековья. Это, в свою очередь, придаёт в его глазах английской нации и государственности цивилизаторскую миссию, причём в глобальном масштабе, демонстрируя характерные для историографии XIX века идеи национальной исключительности и культуртрегерства.

Все эти идеи развиваются Фрименом и далее, когда он переходит к описанию эволюции политических институтов Англии в период развитого Средневековья. По его мнению, особенность данной эволюции состоит в том, что даже такие судьбоносные документы, как Великая Хартия вольностей, не привносили чего-то нового, но апеллировали именно к старому, к традиционным правам и свободам, бытовавшим ранее и утерянным по каким-либо причинам. Например, до принятия Великой Хартии вольностей народ видел идеалом законы Эдуарда Исповедника, а после – саму Великую Хартию. «У нас иногда бывали новшества, – писал Фримен, – но эти новшества были одновременно и консервативными, и прогрессивными; консервативными – потому что прогрессивными, и прогрессивными – потому что консервативными. Они были применением старых принципов к новым обстоятельствам, заботливыми дополнениями к старому устройству, вставками нового» (р. 55-56). В частности, это выразилось в прецедентном характере английского права, что рассматривается Фрименом как следование «мудрости предков». «Таким образом, – отмечает он, – мы могли продвигаться вперёд хоть и в чём-то медленнее, зато более уверенно» (р. 56). Континуитет политических традиций в Англии противопоставляется ситуации в других средневековых государствах, в частности, в соседней Франции, на том основании, что английские традиции были плодом практического воплощения народных представлений о благе, а французские – детищем искусственно созданных политических идей и теорий, и, таким образом, оторванными от собственно народной жизни. Например, французские Генеральные Штаты были созваны по предписанию короля, а не по инициативе снизу, и потому не тождественны английскому парламенту и не столь долговечны, как он (р. 64). Франция шла путём революционных изменений на дальнейшем пути исторического развития и потому потеряла все старые консервативные основы политических традиций, делая акцент на новшества, тогда как Англия, наоборот, придерживалась этих самых основ и избегала рево-

люционных новшеств, поэтому история Франции пестрит многочисленными названиями всё новых и новых политических институтов, а в Англии веками сохраняется одна и та же парламентская система, якобы выросшая ещё из англосаксонских корней (р. 65).

Даже рассматривая такой переломный момент английской истории, как нормандское завоевание, наложившее глубокий отпечаток на дальнейшее развитие страны, Фримен продолжает утверждать, что оно не нарушило прежнего континуитета. В частности, по его мнению, Вильгельм Завоеватель апеллировал в своей деятельности в сфере политических реформ к законам Эдуарда Исповедника, а следовательно – к прежним английским традициям. Франко-нормандская правящая элита, сменившая англосаксонскую, быстро ассимилировалась, особенно на уровне мелкого рыцарства, и, таким образом, вписалась в рамки английских традиций права и культуры, не разрушив их. Фримен делает акцент и на том, что сами нормандцы, будучи потомками скандинавских пришельцев, были в известной мере родственным элементом по отношению к таким же потомкам скандинавов, осевших в Англии в эпоху викингов (р. 70-71). Это утверждение выглядит спорным, так как сами скандинавы, поселявшиеся на отвоёванных ими территориях других стран, довольно быстро теряли свою изначальную этнокультурную идентичность и успешно ассимилировались в массах коренного населения, вплоть до самых верхних слоёв элиты⁸. Поэтому невозможно определённо сказать, до какой степени были близкими друг другу их дальние потомки, рассеявшиеся по всей Европе.

В негативном ключе Фримен оценивает церковную политику Вильгельма Завоевателя. По его мнению, в англосаксонскую эпоху церковь была единой с государством, и королевская власть не отделялась от церковной (что явно намекает на более позднюю англиканскую модель церковного устройства), тогда как нормандские короли заложили основу для их разделения на континентальный манер и тем самым нарушили древнюю целостность, оторвав церковь от национальных основ и подчинив её Риму. Это привело к тому, что «возникли конфликты между церковной и светской властями, неслыханные в прежние времена» (р. 74-75), а в конечном счёте – к объединению папской и королевской сторон против «английской свободы», что выразилось, в частности, в деспотическом правлении Иоанна Безземельного и борьбе вокруг Великой Хартии вольностей (р. 77), а затем и в «прямом союзе папы и короля против английской церкви и народа» в царствование Генриха III (р. 76). Таким образом, Фримен заметно упрощает сложные интриги и перипетии времён того же Иоанна Безземельного, которые далеко не ограничивались столь простой формулой, но, напротив, рас-

---

⁸ Подробнее см.: *Горелов 2008*.

полагали папство и корону, образно выражаясь, по разные стороны баррикад. В свою очередь, в кровопролитных распрях начала 1260-х гг., увенчавшихся созданием парламента, Фримен видит ни много ни мало борьбу всех слоёв английского общества, в том числе «национально ориентированных» представителей клира, против вышеупомянутого союза короны и папства, подрывавшего национальные интересы и опиравшегося на иноземных приближённых короля (р. 77). Эта точка зрения выглядит сегодня, конечно, спорной. Однако она вполне логично подводит к далекому идущим выводам Фримена о том, что борьба за парламент стала своего рода ренессансом английских национальных традиций государственности, уходящих корнями в англосаксонское время и противопоставляемых космополитической Анжуйской монархии, частью которой Англия была в XII в. Таким образом, английское общество возвращалось к своим древним истокам, и традиции одерживали верх над чужеземными порядками, привнесёнными нормандским завоеванием и франкоязычной правящей элитой.

В этом ключе, возникновение английского парламента выглядит вполне логичным продолжением староанглийских традиций политического устройства: местное самоуправление (сохранившееся как система и после нормандского завоевания) дало начало Палате общин как представительному институту законодательной власти со стороны низших и средних классов общества, а королевский совет – Палате лордов (как бы продолжая традицию ещё англосаксонского уитенагемота). Таким образом, по мнению Фримена, со времён Симона де Монфора и короля Эдуарда I, организовавших эти начала в единую систему в виде парламента, основы английского конституционного устройства были заложены навсегда и сохранялись практически в неизменном виде (р. 87).

Сравнивая средневековый английский парламент с аналогичными сословно-представительными органами за рубежом, Фримен делает акцент на социальную открытость английской элиты снизу, утверждая, что таковой не наблюдалось в других странах. В частности, даже пожизненное пэрство высшей знати в Палате лордов не имело наследственного характера. Подобный «демократизм» и персональное равенство всех и каждого перед законом, по мнению Фримена, придавали английскому социально-политическому устройству более прогрессивный и гибкий характер в сравнении с другими странами Европы, где были повсеместно распространены наследственные сословные привилегии и опиравшаяся на них корпоративность знати, составлявшей сильную оппозицию государственной власти (р. 88-90). Также Фримен отмечает, что именно в Англии депутаты от рыцарства и горожан относились к одной палате, тогда как в других странах рыцарство обычно отделялось от бюргерства в сословных представительствах. Это свидетельствовало о незамкнутом характере рыцарского сословия, сливав-

шегося с бюргерством и богатыми слоями свободного крестьянства в средний класс – опору государства, давая тем самым более широкий базис для истинно демократического представительства (р. 91-92). Специфика статуса английского духовенства в рамках парламента также заключалась в отсутствии отдельной палаты по сословному признаку, так как высший клир относился к Палате лордов, а низший – к Палате общин (р. 94). Таким образом, английское общество через призму двухпалатной парламентской модели видится Фримену менее сословным, чем общества континентальной Европы, а следовательно – более прогрессивным в своей политической организации.

Оценивая эпоху междоусобных войн Роз, с виду пагубную для внутреннего порядка в стране, Фримен оптимистично отмечает, что, тем не менее, институты народоправия сохраняли свою значимость (как и в эпоху баронских войн XII века), что выразилось в утверждении королей у власти при посредстве собраний лондонских горожан, а также в стремлении многих представителей знати занять место в Палате общин. Упадок парламентаризма он относит к эпохе Тюдоров (и далее Стюартов), объясняя его «деспотизмом» новых правителей Англии и гибелью старой аристократии в войнах Роз, в то время как сменившее её новое дворянство сильнее зависело от королевского абсолютизма, который в итоге верг Англию в пучину религиозных конфликтов, связанных с Реформацией (р. 98-99). Возрождение парламентских традиций Фримен связывает с временем Гражданских войн в Англии XVII в., сравнивая их со смутой XIII века, давшей начало парламенту. Он подчёркивает: «В XVII в., как и в XIII, люди не требовали каких-либо новых прав и власти; они требовали лишь лучшего соблюдения тех, что уже были со старых времён» (р. 104). Таким образом, по мнению историка, континуитет законодательных традиций сохранялся в Англии по-прежнему, через века, не теряя своего постоянного характера и не завися от тех или иных внутривнутриполитических потрясений. Изменения выражались не столько в изменении законодательства как такового, сколько в учреждении новых административных институтов и структур; а новые законы лишь постепенно вырастали из старых (р. 106-107).

Выводы заключительной части книги подтверждают её главную мысль – идею континуитета. Не имея писаной конституции, Англия получила из своих не прерывавшихся традиций законодательства и демократических институтов конституцию неписаную, конвенциональную, воплощающую эти традиции «общего права» (common law) в их постоянно улучшавшейся и развивавшейся форме (р. 109-110). В свою очередь, практическое воплощение этой конституции выражается, по мнению Фримена, во всеисилии Палаты общин британского парламента, которая, являясь в его глазах органом традиционного английского народоправия, оказывала влияние на все важнейшие решения во внут-

ренной и внешней политике: объявление войны и заключение мира, утверждение и смещение высших государственных чиновников, и даже, в наиболее переломные моменты истории, конфронтация с королевской властью (р. 116). Эти полномочия Палаты общин основываются не столько на писаных законах, сколько на древних традициях народного самоуправления. Так, полномочия главы Палаты общин не прописаны в законах подробно, но, тем не менее, известны всем в силу традиции и не подвергаются сомнению. Более того, неписанные традиции оказывают мощное влияние на изменения в официальном законодательстве (р. 120-121). Таким образом, демократические традиции, идущие из старинных неписанных норм, имеют более живой и полезный для защиты прав граждан характер, чем искусственно созданные юристами классического Средневековья писанные законодательства, подготовившие почву для абсолютизма и ущемления прав и свобод (р. 123). Подобная сила «исконных», «народных» традиций самоуправления обусловила, по мнению Фримена, столь частые в истории Англии случаи, когда короли по воле народного представительства свергались с трона, возводились на него, или даже приговаривались к смертной казни (как в случае с Карлом I, который якобы проиграл борьбу с парламентом именно потому, что самонадеянно попытался возвысить абсолютистское начало над вековыми традициями подотчётности короны парламенту) (р. 128, 146). Фримен именует эти традиции «неискушённой мудростью англичан в те времена, когда законы уже были... но ещё не стали состязанием юристов в хитростях» (р. 130).

Своеобразную трактовку Фримен даёт эволюции поземельных отношений в средневековой Англии. Как известно, в условиях средневекового общества эти отношения затрагивали саму основу социального устройства и обычно описываются в историографии термином «феодализм», предоставляющим обширное поле для дискуссий. Специфика Англии в контексте общеевропейских тенденций состояла в том, что в англосаксонскую эпоху процессы феодализации там уже развивались, но не были завершены, а нормандское завоевание предопределило принцип верховной собственности короны на все земли государства, минуя присущую континентальным странам развитую феодальную иерархию⁹. В этом принципе Фримен видит посприятие старых англосаксонских традиций, при которых король был лишь равным в юридическом отношении собственником земли, как и рядовой свободный общинник, а в ограничении парламентом этого принципа – возврат к исконным староанглийским традициям подобного «равенства» (р. 135-136). «Каждый акт, который ограничивал произвольные прерогативы короны, каждый акт, который защищал или увеличивал полномочия

---

⁹ Горелов. 2007. С.158.

парламента или свободу индивида, был возвращением, порой по букве и всегда – по духу, к нашему древнему Закону» (р. 137).

Королевская власть в Великобритании легитимна только потому, что одобрена и утверждена «волей народа» через парламент, и это также рассматривается как возврат к древним традициям англосаксонского / германского народоправства. Отличие английской монархической модели от прочих состоит в том, что Палата общин контролирует короля посредством неписаного права, как бы воскрешая в современных условиях модель выборной монархии англосаксонской эпохи (р. 139, 147-148). Эволюция государственной системы видится Фримену так: от выборных королей раннего Средневековья – через нарастающие тенденции к деспотизму и абсолютизму классического Средневековья – и далее к парламентской монархии, вновь возродившей древние начала в современном виде (р. 150-151). Ключевая мысль здесь заключается в том, что именно парламент от имени народа даёт королю право управления, т.е. народ уполномочивает монарха исполнять свои функции.

Таким образом, мы видим, что Фримену были присущи характерные для его времени и круга либеральные иллюзии о «народной монархии», при этом подкреплённые историческим обоснованием с изрядной долей политизированности. Надо отметить, что подобные иллюзии были отнюдь не специфическими именно для английской политической мысли. Достаточно вспомнить знаменитую российскую триаду «Православие, самодержавие, народность» или немецкую пословицу «Наш король самодержавен, когда он исполняет нашу волю». Скорее здесь можно говорить о специфических особенностях того или иного национального дискурса на данную тему, авторы которого искали теоретическую опору в исторических реалиях прошлого, подводя фундамент под здания своих национальных государств XIX века. В работах Фримена эти особенности сформированы соответствующей системой взглядов и методологических позиций учёного; он был в первую очередь характерным представителем политической истории и рассматривал исторический прогресс через призму эволюции политико-правовых институтов, определявших состояние общества в ту или иную эпоху. Политическая история в XIX в. носила отчётливый отпечаток позитивизма со всеми его положительными и отрицательными сторонами. Кроме того, Фримен был имперским историком – не только в том смысле, что писал во времена расцвета Британской империи, но и в том, что излюбленным предметом его внимания были империи прошлого (Древний Рим, Византия, Священная Римская империя), через которые происходила трансляция «арийских начал» современным великим державам, включая Великобританию¹⁰. Эта трансляция заклю-

---

¹⁰ Stephenson. 2007. P. 126-128.

чалась в континуитете обычаев, составлявших основы политического устройства и «национального духа», который в глазах Эдуарда Фримена – националиста, «германиста» и правоверного христианина – имел своего рода метафизический оттенок. Подобный взгляд на историю не был новым, восходя ещё к Гегелю, но в трудах Фримена и других европейских историков его времени он получил мощный импульс к развитию, приобретая завершённые формы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Adams H.B. The Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science. Johns Hopkins University Press, 1883.
- Barlow F. Freeman, Edward Augustus (1823–1892) // Oxford Dictionary of National Biography. OUP, 2004. URL: odnb2.pubfactory.com/view/article/10146/10146?docPos=25.
- Freeman, Edward Augustus. The growth of the English constitution from the earliest times. London: Macmillan, 1872.
- GB 133 EAF – Papers of Edward Augustus Freeman. ELGAR: Electronic Gateway to Archives at Rylands. The John Rylands University Library. URL: <http://archives.li.man.ac.uk/ead/html/gb133eaf-p2.shtml#id50842725>.
- Stephenson P. E.A. Freeman (1823-1892), a Neglected Commentator on Byzantium and Modern Greece // Historical Review / La Revue Historique. Vol. 4 (2007). P. 119-156.
- Горелов М.М. Скандинавская колонизация и национальная идентичность англосаксов в IX–XI вв. // Диалог со временем. 2008. № 25/2. С. 289-304.
- Горелов М.М. Датское и нормандское завоевания Англии в XI в. СПб.: Алетейя, 2007.
- Глебов А.Г. Англия в раннее Средневековье. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998.

REFERENCES

- Adams H.B. The Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science. Johns Hopkins University Press, 1883.
- Barlow F. Freeman, Edward Augustus (1823–1892) // Oxford Dictionary of National Biography. OUP, 2004. URL: odnb2.pubfactory.com/view/article/10146/10146?docPos=25.
- Freeman, Edward Augustus. The growth of the English constitution from the earliest times. London: Macmillan, 1872.
- GB 133 EAF – Papers of Edward Augustus Freeman. ELGAR: Electronic Gateway to Archives at Rylands. The John Rylands University Library. URL: <http://archives.li.man.ac.uk/ead/html/gb133eaf-p2.shtml#id50842725>.
- Stephenson P. E.A. Freeman (1823-1892), a Neglected Commentator on Byzantium and Modern Greece // Historical Review / La Revue Historique. Vol. 4 (2007). P. 119-156.
- Gorelov M.M. Skandinavskaya kolonizatsiya i natsional'naya identichnost' anglosak-sov v IX–XI vv. // Dialog so vremenem. 2008. № 25-2. S. 289-304.
- Gorelov M.M. Datskoe i normandskoe zavoevaniya Anglii v XI v. SPb.: Aleteiya, 2007.
- Glebov A.G. Angliya v rannee Srednevekov'e. Voronezh: Izd-vo VGU, 1998.

Горелов Максим Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; heldenhammer@yandex.ru

Evolution and continuity of the English political traditions in works by E.A. Freeman

The article is devoted to the reflection of the evolution of English state and laws in the works by E.A. Freeman. The author emphasizes the ideal of continuity of English political traditions through the centuries.

Keywords: E.A. Freeman, constitution, Parliament, laws.

Maxim Gorelov, PhD, senior research fellow, Centre of Intellectual History, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Email: heldenhammer@yandex.ru